

IX

После этой беседы мы пошли на покос, и там он, надеясь найти в народе больше сочувствия своим мыслям, попросил меня перевести старому уже, болезненному, с огромной грыжей и все-таки затяжному в труде мужику, нашему товарищу по работе, крестьянину Прокофию, свой план воздействия на немцев, состоящий в том, чтобы с двух сторон сжать находящегося между русскими и французами немца. Француз в лицах представил это Прокофию, своими белыми пальцами прикасаясь с обеих сторон к потной посконной рубашке Прокофия. Помню добродушно насмешливое удивление Прокофия, когда я объяснил ему слова и жест француза. Предложение о сжатии немца с двух сторон Прокофий, очевидно, принял за шутку, не допуская мысли о том, чтобы взрослый и ученый человек мог с спокойным духом и в трезвом состоянии говорить о том, чтобы желательно было воевать.

-- Что же, как мы его с обеих сторон зажмем, -- сказал он, отвечая шуткой, как он думал, на шутку, -- ему и податься некуда будет, надо ему тоже простор дать.

Я перевел этот ответ своему гостю.

-- Dites lui que nous aimons les Russes (Скажите ему, что мы любим русских.), -- сказал он. Слова эти поразили Прокофия, очевидно, еще более, чем предложение о сжатии немца, и вызвали некоторое чувство подозрения.

-- Чей же он будет? -- спросил меня Прокофий, с недоверием указывая головой на моего гостя. Я сказал, что он француз, богатый человек.

-- Что же он, по какому делу? -- спросил Прокофий. Когда я ему объяснил, что он приехал для того, чтобы вызвать русских на союз с Францией в случае войны с немцами, Прокофий, очевидно, остался вполне недоволен и, обратившись к бабам, сидевшим у копны, строгим голосом, невольно выразившим чувства, вызванные в нем этим разговором, крикнул на них, чтобы они заходили сгребать в копны недогребенное сено.

-- Ну, вы, вороны, задремали. Заходи. Пора тут немца жать. Вон еще покос не убрали, а похоже, что с середины жать пойдут, -- сказал он, и потом, как будто боясь оскорбить таким замечанием приезжего чужого человека, он прибавил, оскаливая в добрую улыбку свои до половины съеденные зубы: -- Приходи лучше с нами работать, да и немца присылай. А отработаемся -- гулять будем. И немца возьмем. Такие же люди. -- И, сказав это, Прокофий вынул свою жилистую руку из развилины вил, на которые он опирался, вскинул их на плечи и пошел к бабам.

-- Oh, le brave homme! (О, добрый человек!)-- воскликнул, смеясь, учтивый француз. И на этом закончил тогда свою дипломатическую миссию к русскому народу.

Вид этих двух столь противоположных друг другу людей -- сияющего свежестью, бодростью, элегантностью, хорошо упитанного француза в цилиндре и длинном, тогда

самом модном паль-то, своими нерабочими белыми руками энергически показывающего в лицах, как надо сжать немца, -- и вид шершавого, с трухой в волосах, высохшего от работы, загорелого, всегда усталого и, несмотря на свою огромную грыжу, всегда работающего Прокофия с своими распухшими от работы пальцами, в его спущенных домашних портках, разбитых лаптях, шагающего с огромной навилиной сена на плече той не ленивой, но экономной на движения походкой, которой движется всегда рабочий человек, -- вид этих двух столь противоположных друг другу людей очень многое уяснил мне тогда и живо вспомнился мне теперь, после тулоно-парижских празднеств. Один из них олицетворял собой всех тех вскормленных и обеспеченных трудами народа людей, которые употребляют потом этот народ как пушечное мясо; Прокофий же -- то самое пушечное мясо, которое вскармливает и обеспечивает тех людей, которые им распоряжаются.

Версия #1

Зверобой создал 28 марта 2025 16:42:12

Зверобой обновил 28 марта 2025 16:42:27